

13. Ташлыков В.А. Личностные механизмы совладания (копинг-поведение) и защиты больных неврозами в процессе психотерапии // Медико-психологические аспекты охраны психического здоровья. – Томск, 1990. – С. 60-61.
14. Ялтонский В.М. Копинг-поведение при наркотической зависимости / Автореф. дисс. д-р. мед. наук. – М., 1994.
15. Lazarus R. Progress on Cognitive-Motivational-Relational Theory of Emotion // American Psychological review. - 1991. - Vol. 46. - № 8.
16. Folkman S. Personal control and Stress and Coping processes: a theoretical Analysis // Journal of Personal and Social Psychology. – 1984. - Vol. 46. - № 4. – P. 839-852.
17. Longis A. De Psychological Stress and Coping in Aging // American Psychology. - 1983. Vol. 38. - № 3.

18. Parkes K. Locus-of-control, cognitive Appraisal, and coping in stressful situations // Journal of Personal and Social Psychology. - 1984. Vol. 46. - P. 655-668.
19. Moos R.H., Billings A.G. Coping, stress, and social resource among adults with unipolar depressing // Psychological Review. – Vol. 46. - P. 77-91.
20. Carver C., Scheier M.F., Weintrauh J. Assessing Coping Strategies: A theoretically based psychology // Journal of Personal and Social Psychology. - 1989. - Vol. 56. - P. 267-383.
21. Nezu A.M., D Zurilla T.J. Effects of problem definition and formulation on the generation of alternatives in the social problem-solving process // Cognitive Therapy and Research. - 1981. - № 5. – P. 265-271.

The role of the individual-psychological factors in the experienceformation of the effective mastering with problem situations

T.G. Bokhan

Summary: An Analytical Research was conducting. It was a Search of the Methods of the Development and Correction of the Practices of Effective Solution of Problem Situations. Into the Necesery Componenets of the Experiecnes are entering Productivity of the Mental Work and of the Self-Regulation. They consist in Development of the Perception Chanals, of the Harmonization of the Cerebral Hemispheres Activity, in Mastering of the Volitional Regulation Modes with the Taking into Account of Balance between Autonomy, Independence and Ability to work in Cooperation and Collaboration with Others.

Key words: Skill, Social Problem, Strategy of the Mastering, Cognitive-Behavioral Psychology, Alternative Solution, Cognition Style, Decision decide, Coping-Strategy.

КЛИНИКО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПЕРСОНАЛЬНОГО МИФА

Э.И. Мещерякова (Томск)

Аннотация: В статье описано применение клинико-феноменологического метода в сочетании с психолингвистическим при анализе текста персонального мифа в комплексном психологическом консультировании студентов. Анализ текста персонального мифа осуществляется через семиотическую интеграцию тематики и дотекстового анализа наиболее психологически функциональных частей речи – глагола и местоимения.

Ключевые слова: личность, персональный миф, аутокоммуникация, текст, психолингвистика, клинико-феноменологический метод.

Данная статья является фрагментом научнo-исследовательской работы по проблеме персонального мифа современного студента (выборка – студенты гуманитарных факультетов университетского вуза). Термин «персональный миф» не попал ни в один из отечественных психологических словарей, хотя корпус представлений о персональном мифе относится к древнейшим и ключевым логотипам самосознания человека, объединяя в себе константы проблемы смысла и экзистенциальной логики жизни. К проблеме персонального мифа существует множество подходов, одинаково правомерных, но порой не соприкасающихся друг с другом. Мы не ставим своей задачей подробное рассмотрение этих

подходов, точную их дифференциацию и систематизацию. Понятие «персональный миф» употребляется нами в том широком культурологическом и психологических смыслах, которые он обрел в работах А.Ф. Лосева, Э. Кассирера, Д. Кембелла, С. Кrippнера: это существующий в сознании каждого человека образ мира и себя в нем, его представления и отношение к себе, другим, современности и историческому времени; функцией мифа является организация психологического опыта личности, обеспечение «точек опоры в мире», регуляция поведения [1, 2, 3, 4]. Идея исследования персонального мифа базируется на представлении психологов о существовании множественных Я, спонтанной совокуп-

ности их содержаний, калейдоскопа модификаций Я в структуре единой целостности личности [5]. Одним из глубинных личностных образований, является мифологическое Я, относящееся к экзистенциально-бытийной сфере, отражающее определенные субъективные самопрезентации существования личности в виде состояний самоуглубления, переживания своей самости, свойств личности, обусловленных переживаниями своего бытия в мире, а также потребностью в определенных условиях манифестировать эти переживания, воплощаясь в различных идиомах и мифах общественного и индивидуального сознания.

Персональный миф, оформленный в нашем исследовании как текст, по нашему мнению, является важнейшим психологическим личностным документом; его написание рассматривается нами как неординарная личностная ситуация для студента, возможность исповеди-полилога-коммуникации с самим собой и со всем миром, приближения к своему бытию, к своей сущности и к своему совершенству.

Мы предположили, что феноменологический и герменевтический подходы к тексту как предмету исследования могут осуществляться в рамках психолингвистической парадигмы, позволяющей очертить наш исследовательский объект – персональный миф современного студента-гуманитария университетского вуза. Основанием для построения подобного предположения является онтология автора – творца текста, проявляющаяся в следующих составляющих сочинения: реалиях жизни, творящего сознания автора, языковой игре автора как носителя слова. Психолингвистический анализ, таким образом, может дополнить психодиагностические данные по расшифровке существенных особенностей внутреннего мира студента. По М.К. Мамардашвили (1997), психологические феномены как личностные сущности полностью представлены своей же материей, своим внутренним, в себе осмысленным движением, в них нет никаких элементов, имеющих зависимое происхождение, что делает их свободными, бытийными [6]. Исходной исследовательской идеей является мысль о необходимости совмещения различных подходов к анализу личности для создания релевантной модели персонального мифа через исследование текста с заданной темой, которая позволяет испытуемому являться героем своего рассказа, использующего при описании широкий онтологический спектр своей жизнедеятельности.

Целью представления данного фрагмента исследования являются результаты применения клинико-феноменологического и психолингвистического методов в комплексном подходе при психологическом анализе текста персонального

мифа студентов. Достижение этой цели мы осуществили через решение ряда задач, включающих рассмотрение истории обогащения клинического метода феноменологическим при анализе нормативных и патологических состояний; выявление возможностей текста вообще, и текста персонального мифа, в частности, представить субъективный, экзистенциальный, сверхличностный, трансцендентный опыт субъекта; систематизация методических принципов работы в феноменологической парадигме при анализе текста; обнаружение в тексте операциональных критериев структурирования Я.

Название клинико-феноменологическому методу дали так называемые клинический и феноменологический методы, которые взаимно дополняют друг друга [7]. Клинический метод традиционно представлен в психологии двояко: во-первых, как метод врачебной практики; во-вторых, как метод описания психического процесса во всей полноте и целостности, и в таком виде он был разработан и описан А.Ф. Лазурским (1921), получив название «естественного эксперимента» [8]. Придя в психологию из психиатрической практики, клинический метод в немедицинских условиях представляет собой организованное наблюдение в естественных условиях. Дополнение клинического метода феноменологическим с его требованиями эмпатии, интуиции, описания наблюдаемых феноменов через переживание испытуемого было подготовлено работами выдающихся психиатров-клиницистов и патопсихологов. Еще Е. Блейер (1920) писал о внесении в метод клинического анализа разумного «вчувствования» [9], А.Р. Лурия (1973) разработал понятие «внутренней картины заболевания» [10], Б.В. Зейгарник (1986) описала элементы проникновения во внутренний мир больного, происходящего в патопсихологическом эксперименте [11].

Определение «феноменологический» в названии метода указывает на его отнесение к феноменологии как области описательной психологии, предполагающей изучение наблюдаемых феноменов так, как они даются исследователю и только после этого – анализом их. Зародившись в лоне философии, феноменологический метод своим рождением обязан немецкому философу, основателю феноменологической школы Э. Гуссерлю [12]. В сфере диагностики психических расстройств феноменологический переворот совершил в начале XX века известный немецкий психиатр и психолог Карл Ясперс, предложивший принципиально новый подход к анализу психического [13]. Феноменологический метод как способ описания мира широко представлен и в клинико-психологических исследованиях Юнга, Фромма, Франкла, Перлза, Роджерса, Маслоу и др. Если сущность феноменологиче-

ского исследования – «... стремление ухватить первосущность вещей в таком понятии, которое сродни образу, сколь угодно многосложному, лишь бы он позволил как-то оформить смутное ощущение (предугадывание) тайны...», то, следовательно, знание в феноменологии для исследователя первоначально существует (описывается, переживается) в виде образа, символа, тайны сущности личности [14]. Феноменологическое видение – это очень трудное и умное видение, оно идет из самого существа клинициста и психолога, связано с его внутренней сущностью, а не внешним существованием, ему не может научиться человек, закрытый для мира подлинной культуры, науки, человеческих отношений.

Феноменологический анализ в связи с уникальностью трактуемых феноменов часто представлен в виде импрессионистских описаний через отрицание, сравнение (метафоры и аналогии), цитирование и передачу целостных картин поведения. Это требует взыскательного отношения к лексическому выбору и терминологии, внимание к оттенкам не только смыслового поля, но и этимологических истоков, к звуковому и зрительному гештальту слов. Истолкование скрытых смыслов интенций пациента и клиента, их субъективной трактовки своих проблем, заболевания или жизненного кризиса, относится к методу субъективной герменевтики, которая явилась позднейшим дополнением феноменологического метода; ее данные применяются на стадии интерпретации субъективного жизненного опыта пациента (клиента), и этот опыт должен быть встроен клиницистом или психологом в картину мира исследуемого в совместной работе психолога с ним; это «новое понимание себя», по А. Блазеру (1998), способствует сокращению дистанции между внутренней картиной мира пациента (клиента) и внешней реальностью, конвенциональными нормами, нахождению возможностей своими силами справиться с имеющимися у него проблемами [15, С. 49-55]. Русский вариант феноменологической и герменевтической парадигмы принадлежит Г.Г. Шпету, считающему центральной проблемой феноменологии проблему языка [16].

В многочисленных исследованиях феноменологического метода не до конца решенным является вопрос о его операциональных принципах и критериях. Как правило, прикладная психология, психотерапия в структуре феноменологической парадигмы учитывает следующие четыре принципа: понимание, воздержание от суждения, беспристрастность и точность описания и контекстуальность [17]. Обращение к вербальному поведению и уникальному языку пациента (клиента), использование любых представляемых ими убеждений, ценностей, установок, эмоций или форм поведения, вызывает пере-

живания, способствующие психотерапевтическим изменениям [18, С. 169].

Признавая в качестве объекта полноценного психологического исследования язык пациентов, исследователь вступает в обширную зону психолингвистики с ее многочисленными теориями, подходами, методами и критериями. Трудности трактовки текста, как психологического документа, обусловлены, в том числе, отнюдь не простой историей неуклонного движения лингвистики к психологии и теорий языка – к теориям личности, обогащения лингвистических представлений психологическими переменными, всей динамикой становления психолингвистики, достаточно молодой психологической науки, в ее современном облике. Начало этого движения к пониманию психологической природы речи и языка, значения субъективного фактора в языке положила теоретическая позиция немецкого лингвиста, языковеда Вильгельма Гумбольта (1767-1835). Его глубокое проникновение во внутреннюю структуру языка в ее связи с человеческим духом дает все основания рассматривать его работы как психологические или, может быть, как психолингвистические; Язык, по Гумбольту, есть проявление человеческого духа, и секрет языка состоит в том, как дух самовыражается, обнаруживает себя в нем [19]. В дальнейшем структурный (семиотический) подход, разработанный швейцарским лингвистом Ф. де Соссюром (1857-1913) положил в основу исследования языка понятие знака, которое стало в дальнейшем общенаучным. Знак (например, слово) – это двуединство означающего и означаемого [20]. Эвристическое определение языка как знаковой системы только усилило оппозицию «язык-речь» и связанное с ней дисциплинарное разграничение: лингвистика исследует язык, а речь – психология. В начале становления психолингвистики, все исследования первоначально ориентировались на концепцию «коннотативных значений» Ч. Осгуда (50-е гг.), и только затем (до начала 70-х) – на генеративную грамматику Н. Хомского, в исследованиях которого апелляция к психологическим реалиям уже ставила проблему взаимосвязи синтаксиса и речевой семантики, поскольку язык и речь существуют для того, чтобы передавать смысл, и выбор синтаксической формы связан с содержанием высказывания и замыслом говорящего [21, 22]. В дальнейшем развитии психолингвистики, когда в 70-е годы психолингвистика обратилась к проблемам семантики [23], определенную роль сыграли идеи Л.С. Выготского об отношении мысли к слову. Модель речепорождения, предложенная А.А. Леонтьевым, развила формулировки Л.С. Выготского в поэтапные представления, охватывающие широкий круг речевых явлений [24]. В семидеся-

тые годы возникает психолингвистика текста; по Н.И. Жинкину, одному из первых исследователей семантики текста, в нем, в конечном счете, высказан один основной тезис, одно положение; все остальное подводит к этой мысли, развивает ее, аргументирует [25].

Традиционно в качестве предмета психологического анализа выступает устная речь. Но письменная речь, представленная в виде текста, является очень удобным средством психологического анализа личности, особенно в условиях групповой и индивидуальной краткосрочной психотерапевтической и психокоррекционной работы. В принципе каждый испытуемый может составить текст той или иной степени сложности. Текст способен отразить индивидуальные, возрастные, половые, интеллектуальные и профессиональные особенности личности испытуемого, особенности его Я-концепции и способов коммуникации. Литературоведами исследованы способы приближения читателя «высших» текстов, т.е. художественных, психоэстетических, к «внутреннему человеку», т.е. сущности человека, его идеальному, божественному, мифологическому, трансцендентному Я [26, С. 215]; но и «утилитарный», прагматический текст также является основным образованием вокруг собственной, особой языковой стихии личности автора [27]. Следует учитывать, что письменная речь по сравнению с устной, относится к онтогенетически поздним видам речи, более осознанным, контролируемым и обдумываемым, и в связи с этим она дает информацию о пишущем несколько иного качества, чем устная речь о говорящем, она менее спонтанна, более обдумываема. Однако в условиях, максимально приближенных к ситуациям непосредственного общения, письменная речь углубляет психологические сведения о пишущем, и феноменологический и герменевтический анализ в этом случае, вероятно, могут валидизироваться объективными психологическими, личностными рамками. В парадигме коммуникативного подхода в психолингвистике текст рассматривается в рамках того взаимодействия, в котором он возник, т.е. как дискурс, разговорная практика, продукт и компонент коммуникативного процесса. Дискурс отражает представление человека о мире, его мнения, установки, интенции; в понятие дискурса включаются также когнитивные факторы, необходимые для его создания и понимания. Разработка психологических аспектов моделей речепорождения в тексте-дискурсе неизбежно вновь обозначила проблему репрезентации семантических отношений, их связи с синтаксическими структурами, с одной стороны, с личностью говорящего (пишущего), с другой, и с личностью интерпретатора, с третьей. В решении этих проблем наиболее интересным представля-

ется подход Ч. Филмора (1981) с его концепцией «падежной грамматики» [28]. Операциональные критерии, позволяющие выявлять содержательные психологические характеристики личности и коммуникации через письменную речь в прикладной психолингвистике традиционно определяются с помощью *контент-анализа* - объективной процедуры, ориентированной на выявление тем, полученных по формальным показателям анализируемой речи. В дальнейшем происходит атрибуция тех или иных тем субъекту наблюдения. Широко используемый в социологии контент-анализ имеет свои ограничения в применении его в субъективной психологии из-за ориентации только на объективные и количественные показатели. Интересным интерпретационным подходом является так называемый *интент-анализ* речевой продукции, где все элементы анализируемого текста определяются по их целевой ориентации, или интенциональному содержанию, и по совокупности подобных интерпретаций возможно построение своего рода субъективной «картины мира» говорящего [29]. Интент-анализ аналогичен предложенной Р. Бартом изящной процедуре текстового анализа через систему кодов - ассоциативных полей, размечающих семиотическое пространство текста [30].

В значительной степени информация о пишущем содержится в его способах выражения, в тех психолингвистических категориях, которые могут свидетельствовать о индивидуально-психологических особенностях. При интерпретации психолингвистических показателей используется ряд формальных показателей, по которым имеются экспериментальные подтверждения, полученные рядом исследователей, как у нас, так и за рубежом: объема речевой продукции, количества предложений в тексте и среднего размера предложения, словарного разнообразия, логической связности, засоренности текста [31]. Эти показатели находятся в прямой корреляционной связи с особенностями вербального интеллекта, и в отрицательной - с функциональными состояниями психического напряжения, или «измененными состояниями сознания» в терминологии трансперсональной психологии [32]. В этой связи следует подчеркнуть, что в психолингвистическом исследовании диагностически важным является разведение обще- и социокультурных показателей речи с личностными, ситуативными и установочными [33].

Если рассматривать этот языковой аспект текста без ограничений, то он оказывается неимомерно широким, поэтому представляется интересным исследовательский прием А.А. Залевской (1955) - «психолингвистическое портретирование лексики» через анализ частей речи [34], и преобладающим направлением здесь является

рассмотрение *глагольности*. Глагол выражает в языке событийную основу человеческой практики, смысл и социальные цели предметов как воплощение конкретных человеческих желаний. Коэффициент глагольности представляет собой отношение количества глаголов и глагольных форм (причастий и деепричастий) к общему количеству всех слов в тексте. При увеличении этого отношения свыше 60% (при изучении письменной продукции в клинике) делается вывод о возбужденном состоянии, готовности к немедленным действиям, враждебности к окружающим. На наш взгляд, феноменологической парадигме исследования наиболее отвечает анализ *местоименности* в тексте. Роль местоимений в языке, по Н.Ю. Шведовой (1998), выходит далеко за рамки каких-либо грамматических классов, включает в себе важнейшие идеи, принадлежащие языку в целом, — идею живого и неживого, лица и нелица, предельности и неопределенности, количества, меры, единичности и множественности. В анализе роли местоимений в тексте автор исходит из концепции, что класс русских местоимений обладает строгой формальной организацией, членам которой присуще характерное распределение ролей: местоимения обозначают смыслы, восходящие к глобальным понятиям бытия, материального и духовного мира по признакам определенности, данности, познанности, неопределенности и т.д.; они углубляют, дифференцируют, сопоставляют и сочленяют смыслы понятий о времени, пространстве, о живом существе, о предмете, явлении, признаке, количестве, способе осуществления чего-либо, а также об элементарных связях и отношениях между данностями реального мира и его познания [30].

В результате анализа текста персонального мифа с помощью кластерного анализа (метод Уорда) текста персонального мифа студентов юридического и исторического факультетов ТГУ были установлены три основных типа мифа: «прагматический», «романтический», «эгоцентрический». Выявление семантических свойств кластеров производилось с помощью анализа таблиц сопряженности признаков-тем и признака-кластера. Вся разнообразная тематика текстов персональных мифов с целью интерпретации была семиотически интегрирована методом «вычленения кодов» по Р. Барту [25]. *Акциональный* код включал большое количество тем, свидетельствующих о рефлексии студентов над понятием, жанром и процессом создания персонального мифа, это в наибольшей степени было свойственно персональным мифам «романтического» и «эгоцентрического» типа. Студенты с «прагматическим» типом персонального мифа были склонны отрицать у себя наличие каких-либо мифов и осуждали любое мифотвор-

чество как «строительство воздушных замков». Их мифы содержат проекты будущей реальной профессиональной деятельности, жизненного пути, создания семьи. Студенты с «романтическим» типом персонального мифа излагают, как правило, приключенческий, часто нереалистичный сюжет, описывают, например, переживание опыта своего рождения, мечту, желание стать необычной личностью (например, превратиться в фею) и т.д. Для студентов с «эгоцентрическим» типом персонального мифа характерно понимание его как истории «... постановки своего Я в центр мира», желания получать удовольствие, рассказом об отражении себя в глазах других, историей отношений с родителями, рассказ о трудностях в общении, мечты об успехе, карьере и славе. *Семный* код персональных мифов студентов отражал значение и личностный смысл их конкретного сюжета персонального мифа: «прагматики» проецируют в персональный миф веру в себя и в окружающих, ориентацию на активность, действие, ответственность, важность образования в создании собственной истории жизни, стремление к достижению новых реалистических рубежей, поиски независимого существования, стойкость, и т.д. «Романтики» в смысл сюжетов своего персонального мифа вкладывают мечту о гармонии, «... стремлении к бесконечности и всепроницаемости Я», мистическое очарование красотой окружающего, сожаления по поводу несовершенства мира, фатализм, героизм, тайные помыслы, сохранение индивидуальности и т.д. «Эгоцентрики» смыслы сюжетов своего персонального мифа структурируют через мотивы обид, сомнений, сожалений, опасностей, «людской неблагодарности», угроз, несправедливости, жертвенности стремления к богатству, благосостоянию. *Символические коды* персонального мифа отражают сопряженность средств выражения смысла мифа и средств построения сюжета; наиболее частой оппозицией этого кода было соотношение реальности/нереальности по всем типам мифов, но на статистически значимом уровне различия чаще у девушек. У студентов с «прагматическим» типом персонального мифа наиболее часто в сюжете мифа возникают оппозиции, связанные причинно-следственно: настоящее/будущее, усилие/удача, теория/практика, мой выбор/судьба, история/личность, красота/выгода и т.д. У студентов с «романтическим» типом персонального мифа чаще всего в тексте присутствуют антонимические оппозиции: ад/рай, жизнь/смерть, добро/зло, романтика/обыденность, свет/тьма и т.д. «Эгоцентрики» строят сюжеты на оппозициях типа нравственно/аморально, я/окружающие, семья/одиночество, вера/обман и т.д. Социально-историческое поле порождения смыслов сту-

денческих персональных мифов отражают культурные коды: «прагматики» апеллируют к образованию, науке, профессии, бизнесу, экологии и т.д.; «романтики» – к психологии, философии, природе, литературе, музыке и т.д.; «эгоцентрики» апеллируют к мистике, религии, политике, TV, рекламе и т.д. Вычленение *герменевтического* кода, который является принципиальным кодом исследователя-интерпретатора, позволило выявить важнейшие интенции личности студентов, отраженных в их персональном мифе. Эти интенции не повторяются от мифа к мифу, являются индивидуальными, позволяют считать их не ситуативными образованиями, а базовыми, сущностными характеристиками. Для «прагматиков» персональный миф – это реалистический рассказ о своем энтузиазме, решительности, напористости как о наиболее желательных и обнаруживаемых ими у себя качествах; для «романтиков» персональный миф – это полуфантастическая история «... о полетах во сне и наяву»; «эгоцентрики» сочиняют легенды с мечтой о собственном могуществе, ограничиваемом, впрочем, контактами узкого круга, текст мифа для них – предельное и многоаспектное авторское самовыражение, а не отражение объективной реальности. Оценка значимости различий общего количества слов между текстами разных типов персонального мифа по методу рангового дисперсионного анализа Краскела-Уоллиса с большим достигнутым статистическим уровнем значимости ($p < 0.0001$) выявила склонность «прагматиков» к употреблению наименьшего количества слов, а «эгоцентриков» – наибольшего. Методом дисперсионного анализа по F-критерию Фишера была проверена зависимость доли глаголов в текстах от типа персонального мифа; наибольшая доля глаголов обнаруживается у «романтиков» с мифами сюжетного характера ($p < 0.001$). Методом дисперсионного анализа по F-критерию Фишера была проверена зависимость общей доли местоимений, а также доли личных, неопределенных и относительных местоимений от типов персонального мифа, выявленных по результатам кластерного анализа. Обнаружились следующие зависимости: в текстах «прагматических» персональных мифов общая средняя доля местоимений выше на статистически значимом уровне ($p < 0.02$); доля личных местоимений в текстах «прагматического» персонального мифа на статистически значимом уровне ($p < 0.03$) выше, чем в других типах мифа, в текстах «романтического» мифа ниже, чем в других типах мифа ($p < 0.02$); доля относительных местоимений в текстах «эгоцентрического» типа ниже, чем в мифах двух других типов ($p < 0.04$); количество неопределенных местоимений на статистически значимом уровне ($p < 0.01$) больше

в текстах «романтического» типа. Обнаруженное у «прагматиков» и «романтиков» обилие местоимений в письменном тексте опосредованно свидетельствует об их стремлении через коммуникацию (она и цель, и средство) к личностному универсуму. Таким образом, анализ наиболее функциональных классов слов – глаголов и местоимений по типам персонального мифа, который определяет только дотекстовые, досинтаксические контаминации смыслов, позволяет более психологически объемно охарактеризовать типологию персонального мифа по исследуемой выборке. Очевидно, внутритекстовый анализ контаминации смыслов в различных текстовых последовательностях (на уровне предложений, словосочетаний), относящийся к перспективе дальнейших исследований, позволит продолжить работу по углублению представлений о внутреннем мире испытуемых.

Рассмотренные нами особенности текста персонального мифа как нарратива, как личностного ментального документа, свидетельствуют об общей модели языкового видения человеком своего внутреннего и окружающего мира, о способах и содержании аутокоммуникации; все обнаруженные в нем трансценденции позволяют увидеть то гипотетическое мифологическое пространство, анализ которого углубляет представление о глубинных личностных особенностях.

Смоделированная нами система психологического (психогигиенического) консультирования студентов непсихологического факультета в процессе учебной деятельности, включает блок краткосрочной текстотерапии через наррацию ими своего персонального мифа. Полагаем, что опора на персональный миф студента позволит сделать более современной учебную и воспитательную работу со студентами в современной образовательной ситуации эпохи постмодерна, когда появляются новые ценности, новые герои, новые мифы. Найденные критерии будут способствовать еще большей дифференциации проблемного пространства социогенеза образования, и позволят на занятиях по психологии оптимизировать личностное общение в диаде «студент-преподаватель».

Обилие проблем по данной тематике породило некоторую описательность наших подходов и недостаточную развернутость их по уровням, но это частично связано с тем, что феноменология до сих пор ищет свое место в психологии и, очевидно, найдет его или в классических вариантах, связанных с именами Э. Гуссерля, Г.Г. Шпета, или в новых вариантах психологической герменевтики.

Литература:

1. Лосев А.Ф. Дialeктика мифа // Миф-Число-Сущность. - М.: Мысль, 1993. - 959 с.
2. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарики, 1998. - 784.
3. Кэмбелл Д. Герой с тысячью лицами / Пер. с англ. - Киев: София, 1997. - 336 с.
4. Krippner S. The psychotherapy handbook. New York, 1980. - pp. 503-506.
5. Магомед-Эминов М.Ш. Трансформация личности. - М.: Психоаналитическая ассоциация, 1998. - 496 с.
6. Мамардашвили М.К. Психологическая топология Пути. - СПб, 1997. - 571 с.
7. Малейчук Г.И. Клинико-феноменологический метод в психологии / Ж-л. практ. псих. - 1998. - № 7. - С. 23-28.
8. Лазурский А.Ф. Классификация личностей // Магомед-Эминов М.Ш. Трансформация личности. - М.: Психоаналитическая Ассоциация, 1998. - 496 с.
9. Блейер Е. Руководство по психиатрии. Репринт. М.: Б-ка НПА, 1999. - 550 с.
10. Лурия А.Р. Основы нейропсихологии. - М.: МГУ, 1973. - С. 53.
11. Зейгарник Б.В. Патофизиология. М., 1986. - 288 с.
12. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии. М.: Лабиринт, 1994. - С. 17.
13. Ясперс К. Общая психопатология. М., 1997, 1056 с.
14. Доценко Е.Л. Межличностное общение: семантика и механизмы. - Тюмень: ТОГИРРО, 1998. - 202 с.
15. Блазер А., Хаймс Э., Рингер Х., Томмен М. Проблемно-ориентированная психотерапия. Интегративный подход / Пер. с нем. - М.: Класс, 1998. - 272 с.
16. Солдатова Д. Проблема Я в триадичном контрастном соотношении // Г.Г. Шпет Comprehensio. Третьи Шпетовские чтения. - Томск: Водолей, 1999. - 232 с.
17. Менделевич В.Д. Клиническая и медицинская психология. Практическое руководство. - М.: МЕДпресс, 1999. - 592 с.
18. Хейвенс Р. Мудрость Милтона Эриксона / Пер. с англ. - М.: Класс, 1999. - 400 с.
19. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М., 1985. - С.15-26.
20. Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М., 1977, - С. 102.
21. Osgood C.E. Lectures on language performance. N.Y. etc: Springer, 1980. - P. 36.
22. Хомский Н. Язык и мышление. М., 1972. - С. 52-59.
23. Выготский Л.С. Мышление и речь // Избранные психологические исследования. М., 1956. - С. 3-10.
24. Основы теории речевой деятельности / Под ред. А.А. Леонтьева. - М., 1974. - С. 54.
25. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М., 1989. - С. 103.
26. Эткинд Е.Г. «Внутренний человек» и внешняя речь. М., 1999. - 448 с.
27. Адмони В.Г. Система форм речевого высказывания. СПб.: Наука, 1994, С. 86-93.
28. Филмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. - 1981. - Вып. 10. - С. 18.
29. Современная психология: Справочное руководство. - М.: ИНФРА-М, 1999. - 688 с.
30. Барт Р. S/Z. М., 1994. - 303 с.
31. Психологические характеристики письменной речи // Практикум по общей, экспериментальной и прикладной психологии / Под общей ред. А.А. Крылова, С.А. Маничева. - СПб.: Питер, 2000. - 560 с.
32. Спивак Д.Л. Измененные состояния массового сознания. - СПб.: Гарт-Курсив, 1996. - 128 с.
33. Надель-Червинская М.А., Червинская А.П. Текст как самоисповедь // Лингвopsихологический учебник здоровья. - Рн-Д: Феникс, 1996. - 640 с. - С. 609-611.
34. Залевская А.А. Психолингвистическое портретирование лексики - опыт экспериментального исследования // Психолингвистические исследования. Слово и текст. - Тверь, 1955. - С. 38-53.
35. Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. М.: Азбуковник, 1998. - 176 с.

The clinic-phenomenological method and text

E.I. Meshcheriakova

Summary: In this abstract the Using of Clinic-Phenomenological in Combination with Psycholinguistic Method is described by the Analysis of Text of Personal Myth in Complex Consulting of Students. This analysis realizes by way of Semiotical Integration of Themes and Before-Text Analysis of the most Psychological Functional Parts of Speech – Verb and Pronoun.

Key words: Person, Personal Myth, Autocommunication, Text, Psycholinguistics, and Clinic-Phenomenological Method.